

Научная статья

УДК 001.9+003+070+316.775+321.01

DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-6-9-19

Семиологическая герилья 2.0: версия Клаудио Паолуччи

Дмитрий Владимирович Березняков

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

d.berezniakov@g.nsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6040-4945>

Аннотация

Реконструируется понятие предправды, предложенное итальянским семиотиком К. Паолуччи в качестве альтернативы понятию постправды. Отталкиваясь от теоретического наследия У. Эко, и в первую очередь его концепции семиологической герильи, К. Паолуччи обосновывает тезис, согласно которому предправда представляет собой возвращение к средневековому пониманию истины как доверия. Логика трансформации бинама «знание – власть» под воздействием технологий приводит к тому, что неинституциональные акторы получают возможность создавать контент, ставя под вопрос доминирующую версию социальной реальности. Если классическая версия семиологической герильи локализовывала этот процесс в зоне декодирования, то семиологическая герилья 2.0 разворачивается и в зоне источника сообщения и канала коммуникации, делая альтернативные и неинституциональные интерпретации на основе анекдотических фактов нормой.

Ключевые слова

анекдотические факты, власть, знание, опыт, Клаудио Паолуччи, постправда, предправда, семиологическая герилья, Умберто Эко, фейковые новости

Для цитирования

Березняков Д. В. Семиологическая герилья 2.0: версия Клаудио Паолуччи // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 6: Журналистика. С. 9–19. DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-6-9-19

Semiological Guerrilla Warfare 2.0: Claudio Paolucci's Version

Dmitry V. Bereznyakov

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

d.berezniakov@g.nsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6040-4945>

Abstract

The article reconstructs the concept of pre-truth and semiological guerrilla warfare 2.0, as presented within the framework of the European research project Fakespotting by one of the last disciples of U. Eco, the Italian semiotician and professor at the University of Bologna, C. Paolucci. Drawing on the theoretical foundations laid by M. Foucault and B. Latour, Paolucci argues that social representations of truth and falsehood should be understood as derivatives of the relationship between knowledge and power, which, in turn, are contingent upon communication technologies actively engaged in the reconfiguration of the network of social actors. The contemporary technological revolution in the sphere of communications has engendered a new iteration of semiological guerrilla warfare 2.0, which diverges significantly from the model proposed by U. Eco in the latter half of the 1960s. This revised framework posits that the generation of messages that serve as alternatives to the dominant informational mainstream is no longer confined to the output stage of the communicative chain; rather, it is localized at the point of entry, as consumers increasingly assume the role of content producers. Digital communication, predicated upon the algorithmic production of documents, has

© Березняков Д. В., 2025

fostered conditions conducive to the resurgence of the medieval conception of truth as trust – a paradigm rooted in personal experience and manifested in the form of anecdotal facts disseminated by online users. The semiotic structure of such anecdotal facts privileges experience over knowledge. Consequently, it is more precise to refer not to post-truth but to pre-truth, wherein the articulation of truth becomes the digital counterpart of the medieval notion of “doing truth” (“facere veritatem”).

Keywords

anecdotal facts, power, knowledge, experience, Claudio Paolucci, post-truth, pre-truth, semiological guerrilla warfare, Umberto Eco, fake news

For citation

Bereznyakov D. V. Semiological Guerrilla Warfare 2.0: Claudio Paolucci's Version. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2025, vol. 24, no. 6: Journalism, pp. 9–19. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-6-9-19

1. Цифровая трансформация медиакommunikаций и стремительный прогресс в области искусственного интеллекта, как и положено очередной технологической революции, не только порождают (анти)утопические ожидания, актуализирующие потенциал социотехнического воображения общества [Dreamscapes of Modernity..., 2015], но и формируют новые параметры социальной дифференциации и неравенства по критерию владения передовыми коммуникационными технологиями, что находит свое концептуальное выражение в понятии «цифрового раскола», имеющего не только поколенческое, но и социопрограммное и культурное измерения. Очевидно, что эти процессы формируют запросы на новые форматы обучения цифровой информационной грамотности широких социальных аудиторий как в плане формирования у них компетенций, позволяющих адаптироваться к стремительному технологическому замещению труда, так и применительно к политической сфере, где вопросы конструирования легитимных представлений о социально-политических процессах непосредственно увязаны с навыками критического восприятия информации и доверием к институту массмедиа в целом.

Одним из ответов на такого рода запросы стал проект «Fakespotting»¹, который реализовывался с октября 2020 по август 2023 г. в рамках программы «Erasmus» несколькими европейскими вузами (ключевой из которых – Болонский университет) и медиаорганизациями. Сам проект был ориентирован на решение задач, непосредственно связанных с разработкой инновационных методик обучения цифровой грамотности взрослых поколенческих когорт и усилением связи сферы образования с актуальными требованиями рынка труда в области цифровых компетенций. Одна из важнейших задач данного проекта – формирование навыков потребления медиаконтента в интернет-среде, работы с источниками информации и фактчекинга. Несмотря на то что сам проект носил ярко выраженный практико-ориентированный характер, в его рамках были реализованы исследования концептуального плана, нацеленные на теоретическую проработку базовых понятий, а также представлены разборы национальных кейсов, раскрывающих определенные аспекты цифровой грамотности в контексте медийной и политической систем отдельных стран. Соответственно перед исследователями встали принципиальные вопросы о причинах тех тенденций в сфере политических коммуникаций, которые часто тематизируются при помощи таких само собой разумеющихся категорий, как «постправда», «фейковые новости», «информационные войны» и т. д., давно ставших элементами «работающей риторики» [Hood, 2000, p. 183] различных акторов публичной политики, бизнеса и медиа. В этой перспективе принципиального внимания заслуживает та критическая версия ответа на эти важнейшие содержательные вопросы, которая в рамках данного проекта была предложена его ведущим исследователем, крупнейшим итальянским семиотиком Клаудио Паолуччи.

Клаудио Паолуччи² – один из последних учеников Умберто Эко, который в 2005 г. под руководством мэтра защитил докторскую диссертацию по интерпретативной семиотике.

¹ См. сайт проекта: <https://site.unibo.it/fakespotting-project/en> (дата обращения 12.12.2024).

² См. персональную страницу ученого на сайте Болонского университета: <https://www.unibo.it/sitoweb/c.paolucci/en> (дата обращения 12.12.2024).

Сейчас он является полным профессором семиотики и философии языка на философском факультете Болонского университета, где руководит аспирантурой по философии, науке, когнитивистике и семиотике, а также является научным координатором Международного центра гуманитарных наук «Умберто Эко»³ при этом старейшем университете Европы. Кроме того, К. Паолуччи – директор Международного центра энактивизма и когнитивной семиотики⁴, президент Итальянского общества философии языка, автор пяти книг и более 100 статей.

Актуальность подхода К. Паолуччи, включая и контекст отечественных медиатеоретических дискуссий, в первую очередь определяется тем фактом, что он выдерживает критическую рефлексивную дистанцию по отношению к понятиям постправды и фейковых новостей, ставя под сомнение их эвристический потенциал. В статье, специально написанной в рамках проекта «Fakespotting» [Paolucci, 2023], он предлагает содержательную альтернативу, выдвигая понятие предправды (англ. *pre-truth*) и переработанную версию концепции семиологической герильи своего учителя Умберто Эко, которые, с его точки зрения, гораздо лучше объясняют те трансформации, которые переживают современные общества в условиях очередной медиатехнологической революции.

2. Как с самого начала подчеркивает К. Паолуччи, сам факт присутствия фейковых новостей в современном обществе не является какой-то его особенной характеристикой, поскольку ложные сведения распространялись всегда. Переживаемое нами время можно рассматривать как эпоху фейковых новостей в двух разных смыслах. Во-первых, фейковые новости стали распространяться также и теми, кто не обладает культурной и политической властью, что само по себе свидетельствует о процессах демократизации знаний и информации. Во-вторых, фейковые новости рассматриваются теперь как публичная социальная проблема, от которой необходимо защищаться. Поскольку распространять фейки сейчас могут как те, кто обладает институциональной властью, так и те, кто не принадлежит к элите, можно говорить о том, что за последнее время произошли серьезные изменения в самой структуре коммуникации, которые выражаются в децентрализации контроля над источниками информации, когда элиты, в чьих руках этот контроль был сосредоточен веками, эту монополию утратили. Соответственно на более глубоком уровне проблему фейковых новостей можно переопределить как проблему трансформации отношений между знанием и властью, включая и власть над информацией.

Для концептуализации этой проблемы К. Паолуччи использует теоретические ресурсы философии власти Мишеля Фуко и акторно-сетевой социологии Бруно Латура. Важнейшая особенность понимания феномена власти М. Фуко, значимая для концепции К. Паолуччи, состоит в том, что он отказывается рассматривать власть как вещь или ресурс, который есть у субъекта, воздействующего на пассивный объект, а мыслит этот феномен как отношение контрагентов, которое присутствует в рамках различных социальных институтов, что, в частности, означает нередуцируемость отношения власти к политической сфере⁵. Как писал сам Фуко, «под властью... следует понимать прежде всего множественность отношений силы, которые имманентны области, где они осуществляются, и которые конститутивны для ее организации» [1996, с. 192]. Иными словами, власть, будучи безличной и продуктивной, задает социальным акторам стратегические рамки коммуникации.

К. Паолуччи отмечает, что если в прошлом власть и знание были сосредоточены в государственных институтах и аппаратах, то сейчас в условиях прогрессирующей децентрализации происходит фрагментация бинома «знание – власть»: административно-политическая иерархия сохраняется, тогда как производство и распространение знания приобретают гори-

³ См. сайт центра: <https://cue.unibo.it/it> (дата обращения 12.12.2024).

⁴ См. сайт центра: <https://site.unibo.it/enactivism-and-cognitivesemiotics/en> (дата обращения 12.12.2024).

⁵ В этой связи российский философ В. Подорога [2021, с. 238] предлагал специальный термин *от-политизирование власти*, описывающий мыслительную процедуру, которая лишает власть качеств, делающих ее политической.

зонтальное измерение и включают многочисленных акторов, которые все менее подконтрольны и управляемы традиционными властными инстанциями. В свою очередь, поскольку сами властные отношения являются результатом устойчивых и динамичных отношений между социальными акторами, то изменения внутри них могут трансформировать также и способы артикуляции знания и власти. В этом пункте своих рассуждений Паолуччи обращается к ресурсам социологии Б. Латура, которая содержит собственную версию понятия «актор», включающую и нечеловеческие объекты, способные на социальное действие⁶. Важнейшими среди таких нечеловеческих акторов являются технологии, которые способны изменять как сами взаимоотношения между социальными акторами, так и те способы, которыми знание и власть эти отношения регулируют [Paolucci, 2023, p. 102].

Таким образом, встают два взаимосвязанных вопроса: как отношения между знанием и властью производят понятия истины и ложности и как, в свою очередь, радикальная пересборка сети социальных акторов [Латур, 2014] эти отношения изменяет?

3. Однако прежде чем перейти к ответу на обозначенные выше вопросы, К. Паолуччи останавливается на необходимости прояснить основные значения, которые можно выделить в самой категории фейка.

В данном случае он опирается на рассуждения своего учителя Умберто Эко, который в эссе «Сила ложного» (англ. «The Force of Falsity») размышлял о той роли, которую заблуждения и ложные представления о мире играли в истории человеческой культуры. Дистанцируясь от философских споров о понятии истины и лжи, Эко подчеркивал тот факт, что «на протяжении истории многие убеждения и идеи, которые наука нашего времени категорически отрицает, безоговорочно признавались. И вера в них была столь сильна, что покоряла ученых, воздвигала и разрушала империи, вдохновляла поэтов... Она подвигала людей на героические жертвы, нетерпимость, массовые убийства, поиск знания» [Эко, 2016, с. 339]. Иными словами, ложное в человеческой истории и культуре может быть не только продуктивным феноменом, в смысле способности инициировать социальные и интеллектуальные действия, но и многозначным, т. е. не сводится к стандартной логической дихотомии «истина – ложь». Отталкиваясь от этой установки, К. Паолуччи выделяет три основных значения термина «фейк».

Первое значение – это *серендипность* (англ. *serendipity*), или, иначе, интуитивная прозорливость, когда, опираясь на ложные данные, люди, тем не менее, совершают научные открытия. Любимый Эко пример – открытие Америки Христофором Колумбом. Те источники и данные, которые были в распоряжении Колумба, с точки зрения современного человека, с легкостью можно назвать фейками, однако, опираясь на них, он убедил испанскую корону выделить ему финансирование и в конечном счете, будучи в поиске одного, нашел нечто другое.

Второе значение – это *ложное убеждение* (англ. *false belief*): когда Птолемей утверждал, что Земля недвижима и находится в центре мироздания, он не лгал, но был неправ, т. е. верил, что, то, что он утверждает, является правдой. Как подчеркивает К. Паолуччи, именно ложные убеждения являются источником тех фейков, которые создаются теми, кто не обладает культурной властью. Такие люди распространяют фейки, будучи искренне убежденными в своей правоте, что можно описать понятием «семиологической герильи», которое будет представлено и обосновано ниже.

Наконец, третье значение – это *лживость* (англ. *mendacity*), т. е. такая коммуникативная ситуация, когда человек говорит то, что является ложью, зная, что это ложь; он верит в то, что является правдой, но сознательно говорит то, что является ложью. В качестве примера такой версии фейка К. Паолуччи приводит кейс Д. Трампа. После того, как в 2015 г. состоялась Парижская конференция по изменению климата, ставший через два года президентом США Трамп в очередной раз повторил свой пост от 6 ноября 2012 г. о том, что изменение

⁶ Подробнее см.: [Латур, 2014, с. 90–122].

климата – это фейк, который придуман Китаем, для того чтобы сделать американскую промышленность неконкурентоспособной. Трамп знает, что говорит неправду и при этом продвигает своего рода *метафейк*, когда утверждает, что кто-то (в данном случае Китай) распространяет фейк, над которым надстраивается уже его собственный. Пример Трампа, хотя не только он один, демонстрирует тот факт, что фейки в их третьем значении, как правило, распространяются институтами, наделенными властью, а не простыми пользователями социальных сетей, транслирующими свои представления о социальном мире (фейки во втором их значении ложного убеждения).

4. Для того чтобы описать сложившуюся ситуацию в сфере медиакommunikаций, К. Паолуччи предлагает использовать концепцию семиологической герильи У. Эко, адаптировав ее к новой медиатехнологической среде.

Сам У. Эко выступил с идеей семиологической герильи сначала в 1965 г. на конференции в Перудже, посвященной проблеме получения телевизионного сообщения, а потом, в октябре 1967 г., с лекцией в ходе конгресса *Vission '67*, организованного Международным центром коммуникации, искусств и наук в Нью-Йорке. Позже эта лекция неоднократно переиздавалась, а идеи, изложенные в ней, стали одной из самых известных версий того широкого направления в медиаисследованиях, которое переосмысливает статус аудитории в структуре массовой коммуникации, настаивая на ее *активном* характере. Концепции «активных аудиторий медиа» стали стремительно развиваться с конца 1960-х – начала 1970-х гг. и имеют очевидные пересечения с разработками в области социологии и политологии, в фокусе которых, в свою очередь, находятся практики сопротивления господствующим социально-политическим, экономическим и культурным порядкам⁷.

У. Эко выступает против тезиса, согласно которому массовая коммуникация – это однонаправленный процесс индоктринации пассивных аудиторий со стороны элит, полностью контролирующих все звенья коммуникационной цепи. Напротив, получатель сообщения «обладает остаточной свободой – свободой истолковать сообщение *иначе*» [Эко, 2023, с. 155], что означает, что сам коммуникативный акт не имеет общего кода, идентичного на входе и выходе коммуникативной цепи. «Обычно, – утверждает У. Эко, – занимающиеся коммуникацией политики, педагоги, ученые полагают, что для того, чтобы держать под контролем власть медиа, необходимо контролировать два элемента коммуникативной цепи: Источник и Канал. Они думают, что таким образом можно контролировать сообщение, но они контролируют сообщение как пустую форму, которую при Получении каждый наполнит теми значениями, которые подскажет ему собственная антропологическая ситуация, собственная культурная модель» [Там же, с. 160]. Поэтому семиологическая герилья – это не стратегическое действие, ориентированное на контроль над Источником и Каналом массовой коммуникации (условное кресло руководителя или менеджера ведущих медиа страны), а *тактика*, локализованная там, где происходит декодирование сообщений аудиториями (условное первое кресло, стоящее перед телевизором): «битву за выживание человека как ответственного существа в Эру коммуникации выигрывают не там, откуда она начинается, а там, куда она направлена. Я говорю о партизанской войне <...> в то время как коммуникационные системы предусматривают единственный индустриализированный Источник и единственное сообщение, которое получают рассеянные по всему миру пользователи, мы должны придумать системы дополнительной коммуникации, которые позволят нам достичь всякой отдельной группы людей, всякого отдельного человека, находящегося во всемирном зрительном зале, чтобы обсудить получаемое сообщение в свете кодов получателя, сравнивая их с кодами отправителя» [Там же, с. 161].

⁷ В данном случае в первую очередь следует упомянуть две классические работы: М. де Серто [2013], противопоставляющего *стратегии* доминирующих акторов *тактикам* доминируемых, и Дж. Скотта [2025], который ввел в научный оборот знаменитую метафору *оружия слабых*, описывающую повседневные формы сопротивления крестьян.

Таким образом, семиологическая герилья, по версии У. Эко, – это *тактика* противостояния доминирующей картине мира, которая транслируется централизованными индустриальными медиа, локализованная в зоне декодирования контента социальными аудиториями. Как подчеркивает К. Паолуччи, эта концепция предполагает, что сама медиасистема функционирует по модели «от одного ко многим» (*one-to-many*)⁸, когда информация производится медиаинститутами, обладающими культурной властью и затем транслируется широкой массовой аудитории [Paolucci, 2023, p. 103]. Эти медиаинституты создают информационный *мейнстрим*, по отношению к которому вырабатываются локальные тактики производства альтернативных нестандартизированных и девиантных интерпретаций. Соответственно сама фигура такого партизана (включая и самого Эко, имевшего богатейший опыт работы в итальянских медиа) воплощается в социальном типе публичного интеллектуала-просветителя, который обучает массовую аудиторию медиаграмотности и способен подтолкнуть ее «контролировать сообщение и многочисленные возможности его интерпретации» [Эко, 2023, с. 162].

В свою очередь К. Паолуччи настаивает на необходимости переосмысления этой версии семиологической герильи, адаптировав ее к изменившемуся институциональному и коммуникативному контексту, связанному с появлением новых интернет-технологий как самостоятельного актора, влияющего на отношения между знанием и властью в современных обществах. Семиологическая герилья 2.0, которая в наше время приобрела, с его точки зрения, всеобщий характер, проистекает из двух принципиальных вещей. Во-первых, это «беспрецедентная технологическая революция, в ходе которой получатели сообщения сами становятся источником... и, в свою очередь, создают тексты и документы, которые записываются априори, даже если они не имеют ценности (это эпохальная революция, поскольку в прошлом запись следовала за фильтрацией того, что представляло ценность, теперь же она предшествует ей)» [Paolucci, 2023, p. 104]. Во-вторых, страх быть объектом манипулирования: любой индивид знает, что информация распространяется теми, кто обладает культурной, экономической и политической властью, что, в свою очередь, провоцирует популярность конспирологических интерпретаций происходящего.

Итак, семиологическая герилья 2.0, в отличие от своей классической версии, характеризуется тем, что в структуре коммуникации она смещена не столько в сторону Получателя и процессов декодирования, сколько в сторону Источника и производства контента, где существуют теперь как институциональные акторы, так и потребители, ставшие благодаря современным технологиям новыми производителями и весьма далекими от той версии публичного интеллектуала, о которой в середине прошлого века рассуждал У. Эко. Семиологические партизаны не просто захватили Источник и Канал, а изменили социальный статус: теперь это не только и не столько публичные интеллектуалы, которые, выполняют эмансипаторную функцию для людей, принадлежащих к так называемой «массе», а сами граждане, получившие технологические ресурсы для генерирования собственного контента. Иными словами, в ситуации семиологической герильи 2.0 альтернативные и неинституциональные интерпретации стали нормой.

5. Следуя генеалогической перспективе М. Фуко, видящего в историческом процессе не логику становления и преемственности, а моменты разрывов и дисконтинуальности, К. Паолуччи выделяет три важнейших периода, когда революции в технологиях приводили к переборке сетей социальных акторов и изменению в представлениях об истинном и ложном.

Первый важнейший этап приходится на позднее Средневековье и связан с постепенным переходом от устной к письменной коммуникации. Как показал в исследовании «Кризис ис-

⁸ Этот термин был введен в 1998 г. медиаисследователем Вином Кросби в работе «Что такое новые медиа?», в которой он предложил три модели распространения информации в разных видах коммуникации: «один к одному» для межличностной, «один ко многим» для массовой и «многие ко многим» для интернет-коммуникации. См.: Crosbie V. What is New Media? URL: https://nmdprojects.net/teaching_resources/crosbie_what_is_new_media.pdf (дата обращения 12.12. 2024 г.)

тины» канадско-американский историк Ричард Грин [Green, 2002], рост и укрепление английской государственности и усиление роли юридических институтов и практик в эпоху Ричарда II опирались на широкое распространение народной грамотности. На языковом уровне эти коммуникативные процессы нашли свое выражение в том, что в конце XIV в. сложное среднеанглийское слово «trouthe», которое ранее имело такие значения, как «честность» (*integrity*) и «надежность» (*dependability*), и от которого произошло современное слово «trust», начало приобретать современный смысл «соответствия фактам» (*conformity to fact*). В это же время значение его антонима «tresoun» из «личного предательства» (*personal betrayal*) трансформировалось в «преступление против государства» (*a crime against the state*). Эти изменения повлекли за собой фундаментальный сдвиг в отношении к природе свидетельских показаний и доказательств, которых мы по-прежнему придерживаемся: произошел переход от истины, которая почти исключительно зависит от людей, к истине, которая в значительной степени опирается на документы. Истина перестала быть коммуникативным феноменом устного слова, который генерирует межличностное доверие, и стала рассматриваться как феномен письменности, производящей документы.

Второй поворотный момент в трансформации представлений об истине, который фиксирует К. Паолуччи, приходится на эпоху научной революции XVII в. и также напрямую связан с технологией как нечеловеческим актором, который пересобирает отношения между знанием и властью. Только в этот раз это не письменность, а машины: если раньше истина, покинув стихию устной коммуникации, фиксировалась в документе, то теперь она производится посредством машинных технологий научного опыта.

В целом в данном вопросе рассуждения К. Паолуччи опираются на классическую монографию по социальной истории науки «Левиафан и воздушный насос» С. Шейпина и С. Шеффера [Shapin, Schaffer, 2011], а точнее, на интерпретацию этой работы Б. Латуром⁹. Реконструируя полемику Бойля и Гоббса по поводу статуса экспериментального знания и роли научного сообщества, которая кристаллизовалась вокруг споров о принципах использования воздушного насоса, придуманного Бойлем, авторы «Левиафана» показывают, что эпистемологическая проблематика была непосредственно увязана с проблемой поиска оснований социального согласия. Эта сцепка эпистемологии и политики в первую очередь определялась историческим контекстом рождения новоевропейской науки, которое происходило на фоне радикальных событий Английской революции, продемонстрировавших всю хрупкость и неочевидность социально-политического порядка.

Эпистемологический проект Бойля предполагал, что надежное знание как основа общественного согласия извлекается непосредственно из вещей и опирается на чувственные данные, которые «дисциплинированы» экспериментальными приборами (такими, например, как микроскоп или воздушный насос). В латурианской логике, которой в целом в своем анализе и следует К. Паолуччи, машины и приборы становятся ключевыми нечеловеческими акторами производства экспериментального знания. «Если раньше люди создавали документы, то теперь создается реальность, но реальность создаем не мы и не одна из наших особых подгрупп, называемых “учеными”»: реальность создают машины. Истина – научная истина – основана не на создании документов с помощью человеческих средств (письменности), а на создании того, что реально, с помощью машин» [Paolucci, 2023, p. 105]. Подход Бойля предполагал, что любой индивид, независимо от своего статуса, может использовать машину (воздушный насос), которая произведет реальность, аналогичную той, которая есть в приро-

⁹ Отечественному читателю эта книга известна именно благодаря переведенной на русский язык работе Б. Латюра «Нового времени не было» [2006], в которой французский социолог дает свою интерпретацию идей С. Шейпина и С. Шеффера в духе разработанного им проекта «симметричной антропологии». Альтернативный разбор «Левиафана» был недавно предложен в подробной рецензии российского философа Т. Вархотова [2020], а центральный сюжет книги – полемика Бойля и Гоббса – затрагивается в русскоязычном переводе книги С. Шейпина «Научная революция как событие» [Шейпин, Деар, 2015].

де, подтверждая положение «Этики» Спинозы о том, что «порядок и связь идей тот же, что и порядок и связь вещей».

Напротив, Гоббс отвергал экспериментальный подход Бойля и противопоставлял ему конструктивный рационализм, в рамках которого геометрия как знание универсальных правил разума и поведения, разделяемых всеми людьми, выступала подлинной основой общественного согласия. Не внешняя природа, а природа человека становилась фундаментом социального порядка. К. Паолуччи подчеркивает, что Гоббс настаивал на том, что не народ как множество индивидов, делегировавших свою власть суверену, а именно репрезентирующие его король и властные институты, продуцирующие документы, а не экспериментальные факты, должны создавать общепринятую версию реальности.

Мир природы и мир политики становятся разделенными. Следуя Латуру, К. Паолуччи пишет, что «наука производит реальность, а следовательно, и знание, посредством машинного производства реальности, в то время как политика производит документы, а следовательно, и знание, посредством делегирования экспертам или суверенам полномочий на их повествования и значения» [Paolucci, 2023, p. 105]¹⁰. Поэтому ставшие расхожими рассуждения о сконструированном характере социальных фактов можно рассматривать как экспорт научного принципа, который был когда-то создан для того, чтобы утверждать прямо противоположное. Для дискуссий о фейках и постправде это имеет принципиальное значение, так как очень часто они строятся на том понимании, что медиа и политика производят тексты и документы аналогично тому, как ученые с помощью машин создают вакцины. Этот ошибочный, с точки зрения К. Паолуччи, перенос стал очевиден именно сейчас, когда происходит лавинообразный рост не машинного производства фактов реальности, а машинного производства документов и текстов, что фиксируется в таких разнородных терминах, как «эхо-камеры», «информационные пузыри» или «алгокрапия».

Собственно, третий, нынешний этап в трансформации отношений между знанием и властью, разворачивающийся на наших глазах, и происходит под воздействием машинного производства документов. Как метафорически подчеркивает К. Паолуччи, делая отсылку к идеям М. Феррариса¹¹, интернет – это «великий насос, создающий вакуум Бойля» [Ibid., p. 106]. Распространение машинной технологии производства документов имеет своим прямым фундаментальным следствием возрождение средневековой идеи истины как доверия (*truth is trust*). Люди доверяют экспертам аналогично тому, как, например, простые водители доверяют профессионалам по ремонту двигателей. Однако при этом количественный рост документов в условиях семиологической герильи 2.0 приводит к качественным изменениям: истина как доверие приобретает форму *анекдотического факта*, семиотическая структура которого устанавливает примат опыта над знанием.

Анекдотические факты – это не научно доказанные утверждения или статистические данные, а свидетельства и личные истории, основанные на непосредственном *опыте* индивидов, которые благодаря современным интернет-технологиям активно распространяются в медиапространстве. Примерами анекдотических фактов служат многочисленные новости о том, что люди могут придерживаться двух взаимоисключающих вариантов диеты и получить при этом прекрасные результаты, подтверждающие правильность сделанного выбора, который рекомендуется другим. Или многочисленные правдивые сообщения о том, что многие пенсионеры не соблюдали никакой диеты, употребляли алкоголь, курили табак и недавно отметили свой столетний юбилей. Анекдотические факты о столетних алкоголиках и курильщи-

¹⁰ Сам Б. Латур подробно рассмотрел то, как Левиафан производит правовые факты в отличие от производства научной объективности учеными на примере этнографического разбора деятельности французского Государственного совета. См.: [Латур, 2024, с. 228–279].

¹¹ В данном случае К. Паолуччи следует концепции Маурицио Феррариса, который рассматривает интернет как глобальную регистрационную машину, в огромном количестве производящую документы, когда, в отличие от аналоговых медиа, запись предшествует сообщению. Подробнее см.: [Ferraris, 2022]. Тема влияния новой онтологии и теории документальности М. Феррариса на семиотику К. Паолуччи заслуживает отдельного внимания, выходящего за рамки данной статьи.

ках могут претендовать на изобретение теорий, доказывающих, что пьянство и курение способствует долголетию, но теории в науке фальсифицируются, а не подлежат проверке фактами. Личный опыт индивида, выраженный в форме анекдотического факта, предполагает не процедуру эмпирической верификации в присутствии свидетелей, а доверие и то, что М. Феррарис называет «приватизацией иллюзии собственной правоты».

Если мы фиксируем примат опыта над знанием, выраженный в структуре анекдотического факта, тогда необходимо говорить не о постправде, а о предправде, когда «истина дана заранее и находится в самих индивидах и тех технических посредниках, которые обеспечивают доступ к документам... И все, чего вы хотите, – это быть правым, то есть вы хотите, чтобы другие подтверждали то, что вы уже знаете, и чтобы они вам доверяли» [Paolucci, 2023, p. 106]. Предправда означает возвращение истины к ее средневековому, пре-модерному измерению, которое предшествует ее представлению о том, что «соответствует» фактам, но при этом хорошо выражается августинианским термином «творения правды» (лат. *facere veritatem*, англ. *doing truth*): «Я хочу творить правду в сердце моем пред лицом Твоим в исповеди, и в писании моем пред лицом многих свидетелей» [Августин Блаженный, 2013, с. 140]. В итоге в эпоху предправды индивиды исповедуются уже не Богу, а всеведущей цифровой Машине, которая регистрирует их исповеди, добавляя к ним метаданные, а инфлюенсеры становятся продвинутыми геймерами «Игры Правды» с этой Машиной, превращающей их информацию в ценности и деньги.

6. Актуальные публичные и академические дискуссии вокруг общей логики и перспектив медиатехнологической трансформации современных обществ зачастую воспроизводят две классические точки зрения, которые возникли задолго до появления интернета и искусственного интеллекта. Меняя риторические шаблоны и исторические контексты, они воплощаются в фигурах медиаоптимистов и медиапессимистов. Если первые рассматривают медиа и соответствующие им технологии как фундаментальный ресурс прогресса и улучшения условий человеческого существования, то вторые видят в них угрозу личной и политической свободе и основам цивилизации.

Вместе с тем признание того факта, что медиатехнологии не являются *нейтральным инструментом*, который используют различные акторы, а способны к соучастию в производстве и воспроизводстве социального порядка в историческом времени, смещает фокус дискуссий в сторону принципиального переосмысления того, что само общество представляет собой как коммуникативная реальность. В этой концептуальной перспективе идеи К. Паолуччи могут дать отечественным исследователям дополнительный импульс в выработке теоретического инструментария медиаисследований, тем более что этому способствуют как скорость самих изменений в мире медиа и коммуникации, так и возросшая потребность в поддержании интеллектуальных сетей поверх национально-государственных границ и макрополитических идентичностей.

Список литературы

- Августин Блаженный. Исповедь / Пер. М. Е. Сергеенко. СПб.: Наука, 2013. 371 с.
- Вархотов Т. А. В поисках эпистемологии согласия: к 35-летию «Левиафана и воздушного насоса» // Логос. 2020. Т. 30, № 3. С. 178–201.
- Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: ИД ВШЭ, 2014. 384 с.
- Латур Б. Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии / Пер. с фр. Д. Я. Калугина. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2006. 240 с.
- Латур Б. Фабрика права. Этнография Государственного совета. М.: Ад Маргинем Пресс, 2024. 328 с.
- Подорога В. А. М. Фуко: археология современности. М.: Канон + РООИ «Реабилитация», 2021. 384 с.

- Серто М. де.** Изобретение повседневности. 1. Искусство делать. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. 330 с.
- Скотт Дж.** Оружие слабых. Повседневные формы крестьянского сопротивления. М.: Изд-во книжного магазина «Циолковский», 2025. 544 с.
- Фуко М.** Воля к истине. По ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: Касталь, 1996. 448 с.
- Шейпин С., Деар П.** Научная революция // Научная революция как событие. М.: НЛЮ, 2015. С. 313–570.
- Эко У.** Сила ложного // Эко У. О литературе. Эссе. М.: АСТ: CORPUS, 2016. С. 336–371.
- Эко У.** О семиологической герилье // Эко У. О телевидении: статьи и эссе 1956–2015. М.: АСТ: CORPUS, 2023. С. 151–163.
- Crosbie V.** What is New Media? URL: https://nmdprojects.net/teaching_resources/crosbie_what_is_new_media.pdf (дата обращения 25.03.2025).
- Dreamscapes of Modernity: Sociotechnical Imaginaries and the Fabrication of Power.** Eds. Sh. Jasanoff, S.-H. Kim. Chicago: Chicago Uni. Press, 2015. 354 p.
- Ferraris M.** Doc-Humanity. Mohr Siebeck, 2022. 343 p.
- Green R. F.** A Crisis of Truth: Literature and Law in Ricardian England. Philadelphia: Pennsylvania Uni. Press, 2002. 512 p.
- Hood Ch.** Art of State: Culture, Rhetoric, and Public Management. Oxford: Clarendon Press; Oxford Uni. Press, 2000. 280 p.
- Paolucci C.** Pre-Truth: Fake News, Semiological Guerrilla Warfare, and Some Other Media and Communication “Revolutions” // Media and Communication. 2023. Vol. 11, iss. 2. P. 101–108. DOI 10.17645/mac.v11i2.6628
- Shapin S., Schaffer S.** Leviathan and the Air-Pump: Hobbes, Boyle, and the Experimental Life (with a new introduction by the authors). Princeton: Princeton Uni. Press, 2011. 456 p.

References

- Certeau M. de.** Izobretenie povsednevnosti. 1. Iskusstvo delat' [The Practice of Everyday Life. 1. The Art of Making]. St. Petersburg, European Uni. in St. Petersburg Press, 2013, 330 p. (in Russ.)
- Crosbie V.** What Is New Media? URL: https://nmdprojects.net/teaching_resources/crosbie_what_is_new_media.pdf (accessed 25.03.2025).
- Eco U.** O semiologicheskoi geril'e [Towards a Semiological Guerrilla Warfare]. In: Eco U. O televidenii: stat'i i esse 1956–2015 [On Television: Articles and Essays 1956–2015]. Moscow, AST Publ.: CORPUS, 2023, pp. 151–163. (in Russ.)
- Eco U.** Sila lozhnogo [The Force of Falsity]. In: Eco U. O literature. Esse [On Literature. Essays]. Moscow, AST Publ.: CORPUS, 2016, pp. 336–371. (in Russ.)
- Ferraris M.** Doc-Humanity. Tübingen, Mohr Siebeck, 2022, 343 p.
- Foucault M.** Volya k istine. Po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti [The Will to Truth. Beyond Knowledge, Power, and Sexuality]. Moscow, Kastal, 1996, 448 p. (in Russ.)
- Green R. F.** A Crisis of Truth: Literature and Law in Ricardian England. Philadelphia, Pennsylvania Uni. Press, 2002, 512 p.
- Hood Ch.** Art of State: Culture, Rhetoric, and Public Management. Oxford, Clarendon Press, Oxford Uni. Press, 2000, 280 p.
- Jasanoff Sh., Kim S.-H.** (eds.). Dreamscapes of Modernity: Sociotechnical Imaginaries and the Fabrication of Power. Chicago, Chicago Uni. Press, 2015, 354 p.
- Latour B.** Fabrika prava. Etnografiya Gosudarstvennogo soveta [The Making of Law: An Ethnography of the Conseil d'État]. Moscow, Ad Marginem Press, 2024, 328 p. (in Russ.)

- Latour B.** Novogo vremeni ne bylo. Esse po simmetrichnoi antropologii [There Was No New Time. An Essay on Symmetrical Anthropology]. Transl. from Fr. by D. Ya. Kalugina. St. Petersburg, European Uni. in St. Petersburg Press, 2006, 240 p. (in Russ.)
- Latour B.** Peresborka sotsial'nogo: vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu [Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory]. Moscow, HSE Press, 2014, 384 p. (in Russ.)
- Paolucci C.** Pre-Truth: Fake News, Semiological Guerrilla Warfare, and Some Other Media and Communication "Revolutions". *Media and Communication*, 2023, vol. 11, iss. 2, pp. 101–108. DOI 10.17645/mac.v11i2.6628
- Podoroga V. A.** M. Foucault: arkhologiiya sovremennosti [M. Foucault: The Archaeology of Modernity]. Moscow, Kanon + ROOI "Reabilitatsiya", 2021, 384 p. (in Russ.)
- Sancti Aurelii Augustini.** Ispoved' [Confessiones]. Transl. by M. E. Sergeenko. St. Petersburg, Nauka, 2013, 371 p. (in Russ.)
- Scott J. C.** Oruzhie slabykh. Povsednevnye formy krest'yanskogo soprotivleniya [Weapons of the Weak. Everyday Forms of Peasant Resistance]. Moscow, "Tsiolkovsky" Publ., 2025, 544 p. (in Russ.)
- Shapin S., Dear P.** Nauchnaya revolyutsiya [The Scientific Revolution]. In: Nauchnaya revolyutsiya kak sobytie [The Scientific Revolution as an Event]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2015, pp. 313–570. (in Russ.)
- Shapin S., Schaffer S.** Leviathan and the Air-Pump: Hobbes, Boyle, and the Experimental Life (with a new introduction by the authors). Princeton, Princeton Uni. Press, 2011, 456 p.
- Varkhotov T. A.** V poiskakh epistemologii soglasiya: k 35-letiyu "Leviafana i vozdushnogo nasosa" [In Search of an Epistemology of Assent: On the 35th Anniversary of "Leviathan and the Air-Pump"]. *Logos*, 2020, vol. 30, no 3, pp. 178–201. (in Russ.)

Информация об авторе

Дмитрий Владимирович Березняков, кандидат политических наук
RSCI Author ID 273881
SPIN 8025-4505

Information about the Author

Dmitry V. Bereznyakov, Candidate of Sciences (Politics)
RSCI Author ID 273881
SPIN 8025-4505

*Статья поступила в редакцию 01.03.2025;
одобрена после рецензирования 15.03.2025; принята к публикации 17.03.2025
The article was submitted on 01.03.2025;
approved after reviewing on 15.03.2025; accepted for publication on 17.03.2025*